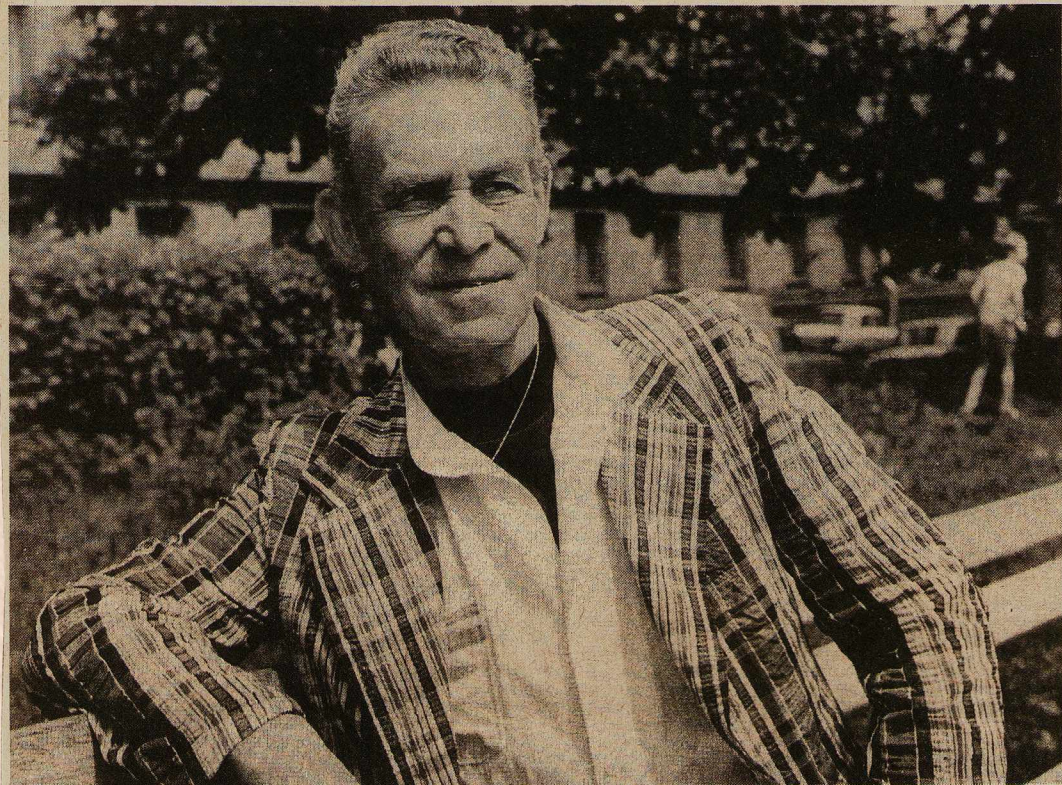

Вет. клуб. - 1993. - 4 авг. - с. 7

Владимир ТЕПЛОВ:

"Бельгийская королева говорила с нами по-русски"

Цветы, исчезая, попадают в Красную книгу. Уходящая деревня, как и распадающийся московский коммунальный уклад, остаются в народных сказаниях и литературных произведениях. Величественно, со скоростью черепахи, которую никак не догонит Ахилл, шествует в царство Аида опера. Все эти процессы находят отклик в человеческих сердцах и кормят немало журналистов, специализирующихся на теме мумифицирования бытия.

Но исчезновение какого-либо явления порой бывает обескураживающе внезапным. Сегодня еще скачут по цирковому манежу грациозные лошади, на их спинах бесстрашные акробаты проделывают немыслимые теловращения, и вдруг...

Для жанра цирковых жокеев это черное завтра пока еще не наступило. Но в словах заслуженного артиста России Владимира Теплова, одного из последних хранителей традиций школы великого Сержа, явственно ощущается тревога по поводу его приближения.

— Владимир Сергеевич, как вы встретились с Александровым-Сержем?

— Я не из цирковой семьи. Поэтому попал к Александру Сергеевичу, можно сказать, случайно. В 45-м году, когда мне было 12 лет, увидел в Ивановском цирке выступление Сержа и узнал о том, что он набирает детей в свою студию. Он отобрал из пятисот желающих одиннадцать человек в возрасте от 10 до 16 лет. Проработал я с ним 19 лет, значение которых в моей судьбе невозможно переоценить. Это был выдающийся артист и педагог.

Серж подготовил из нас труппу мастеров, которая побеждала во всех конкурсах. Мы исполняли трюки, которые до сих пор никто в мире не может повторить.

— Какие, например?

— Я и недавно ушедший из жизни Святослав Серж, сын учителя, исполняли на галопирующей лошади сальто верхнего партнера с плеч в плечи. И сальто из рук в руки.

С нынешней моей труппой я подготовил трюк мирового значения — на быстром галопе три сальто-мортале на крупной лошади в два круга, которые исполняет Вячеслав Кузнецов. Этого ни у кого не было и нет. И, думаю, вряд ли будет.

— Почему? Это предел человеческих возможностей?

— Конечно, это не предел. Все дело в том, что жанр акробатики на лошадях неминуемо умирает. Судите сами, сейчас в нашем цирке в этом жанре работают, кроме моей труппы, лишь жокеи Святослава Сержа, Наталии Серж (внуков моего учителя) и группа Якова Экка. Вот и все.

Сегодня наш жанр никто не поддерживает. Руководство почему-то считает, что мы никому не интересны ни здесь, ни за границей. Но это не так. Например, когда нас увидела французский импресарио мадам Жанин, то пришла в восторг и пригласила на

гастроли. Но по воле циркового начальства вместо нас поехали представители другого жанра.

Все это создает ситуацию, когда в цирковые жокеи не только не хочет идти молодежь, но и действующие артисты перебегают в другие номера. Очень больно, что у нас кончается этот самый красивый в цирке жанр. Но он и самый сложный, требующий от артиста огромных затрат сил. Поэтому в наше прагматичное время многие норовят перейти из жокеев в джигиты, где более простая техника и гораздо больше зарубежных гастролей.

— Может быть, на Западе достаточно своих жокеев?

— Мадам Жанин говорила в присутствии нашего руководства, что жокеи у них есть, но их класс несоизмеримо ниже нашего.

— А раньше ведь были триумфальные гастроли с участием труппы Сержа.

— Да, в 56-м году мы «открывали» Западную Европу в Королевском цирке в Брюсселе. На первом выступлении присутствовала королева Елизавета, которая до этого в цирке не была.

— Почему же тогда цирк назывался «королевским»?

— Потому что он был построен на ее средства. Королева встречалась с нами и в советском посольстве, где также была впервые, и беседовала с каждым из нас по-русски. Она изучала наш язык и знала его неплохо.

— Как реагировала на ваши выступления бельгийская публика?

— Когда на следующее утро после пробного представления для знати мы пришли на репетицию, то обнаружили очередь невероятных размеров, собравшуюся затемно. Она обвивалась два раза вокруг квартала. Был мороз, все было укрыто пледами, грелись у костров. Но при этом дамы, боясь испор-

Гость «ВК»

тить прическу, стояли с непокрытыми головами. Этот триумф продолжался на протяжении всех гастролей. То же было и во Франции, куда мы переехали из Бельгии.

Здесь уместно вспомнить о нашем импресарио — мсье Фансоне. Для того чтобы организовать гастроли, он снял в банке все свои деньги, распродал все свое имущество, даже квартиру со всей обстановкой. Он пошел ва-банк, рискуя прожить всю оставшуюся жизнь в нищете. Но его риск настолько оправдался, что после гастролей он стал миллионером.

— А что получили артисты?

— В то время мы получали суточные и гонорар от каждого выступления, который был несколько выше суточных. И то, и другое в сумме было несоизмеримо с той частью заработной платы нами валюты, которая осела либо в Министерстве культуры, либо еще где-то, — сие нам, простым смертным, было неведомо.

— Справедливо ли нынешнее распределение зарубежных заработков?

— Я бы не сказал. Львиная доля по-прежнему проходит мимо нас. Сейчас люди едут за границу даже за пять долларов в день.

— Сколько времени продолжались ваши гастроли 56-го года?

— Очень долго. После Бельгии и Франции мы работали в Лондоне и Манчестере. Потом приглашали в Шотландию. Но мы к тому времени уже очень устали, поскольку за шумный успех платили напряженнейшим трудом. К тому же соскучились по родным и друзьям. А у меня был особый повод скупать по дому. Я уехал на гастроли 29 января, а 5 февраля в Москве у меня родился сын — Игорь Теплов. Теперь он лауреат премии Ленинского комсомола, орденносец, жокей и жонглер на лошадях.

Кстати, во Франции на одном из наших выступлений произошел, можно сказать, исторический случай. Мсье Фансон, с которым мы очень сдружились, приехал на наше первое выступление в Париже, сел в первый ряд и, чтобы мы его заметили, надел клетчатую кепку. Во время представления его заметил Олег Попов, который был с ним особенно дружен, подошел, и они поменялись кепками. И с этого дня Попов начал работать в этой клетчатой кепке.

— На каких лошадях вы выступаете?

— Когда я создал свою группу из одиннадцати наездников, то отбирал лошадей в Рязани — советских тяжеловозов, и в Латвии — латвийских верховых и латвийских упряжных. Брал их в трехлетнем возрасте в табуне, сам объезжал. Процесс подготовки лошадей и репетирования номера занимает около года.

— Не могли бы вы сравнить цирковых джигитов и жокеев?

— Конечно, джигитовка — это сложный жанр. Но сравнить с жокеями джигиты не могут, поскольку они не акробаты. Чтобы стать жокеем, надо быть прекрасным гимнастом, обладать уникальной физической подготовкой. И если артист делает сальто-мортале на крупной галопирующей лошади, то освоить джигитовку для него не представляет труда. Кстати, среди моих номеров есть и джигитовка.

— Если ваш жанр самый сложный в цирке, то, по-видимому, велик и травматизм?

— Травмы, конечно, бывают, без них не обойтись. Но все зависит от уровня подготовки акробата. Я готовлю людей так, чтобы травм не было. И выпускаю на манеж только тогда, когда на сто процентов уверен, что никаких неожиданностей по вине артиста не будет. Травма может случиться только из-за каких-то внешних неожиданностей. Например, наш главный бич — когда в цирке внезапно гаснет свет. От этого бывают самые серьезные травмы. Мы должны быть застрахованы от этой неожиданности, в цирках предусмотрено аварийное освещение. Но из-за разгильдяйства технических служб оно не всегда срабатывает.

Много неприятностей бывает и из-за того, когда кто-нибудь из зрителей в первом ряду резко встает в то время, когда лошадь пробегает мимо него. От этого лошадь может шарахнуться в сторону.

Лично я за 45 лет работы травмировался только один раз. Ведь я учился у знаменитого педагога — Александра Сергеевича Александрова-Сержа, которому я несказанно благодарен за полученную школу. Я считаю его своим родным отцом, который, даже уйдя из жизни, до сих пор бережет меня на манеже.

Интервью взял Владимир ТУЧКОВ.

Фото Игоря ИВАНДИКОВА.